

Д.А. КОЛЕСНИКОВА

*Кандидат философских наук, научный сотрудник
Санкт-Петербургский государственный университет*

ОТЧУЖДЕНИЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕМ. ПАРАЗИТАРНЫЕ СТРАТЕГИИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

В статье анализируется мусор, отходы, отторгнутые в качестве важных индикаторов жизненного и культурного пространства городской среды. Рассматриваются практики присвоения пространства через акты экспансивного загрязнения. Описываются принципы паразитического обмена, в ходе которого формируется нишевые отношения и среда обитания, milieu – продукты жизнедеятельности которой (символические и материальные отходы), конституируют границы идентичности и правообладания. Через метафору паразита – отходы анализируются как знаки, метки, медиа и лиминальные субстанции. Исследуется перформативная продуктивность отходов и их значение в качестве инструмента медиации.

Ключевые слова: мусор, отчуждаемое, городские паразиты, присвоение городского пространства, защитное окружение, экологическая относительность, нишевые отношения

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта Российского фонда фундаментальных исследований 18-011-00552 А «Проблема идентичности в зонах культурного отчуждения городской среды»

D. A. KOLESNIKOVA

*PhD in Philosophy, Scientific Researcher
Saint-Petersburg state University*

EXCLUSION THROUGH POLLUTION. PARASITE STRATEGIES IN URBAN ENVIRONMENT

The article deals with garbage, waste, rejected as important indicators of the living and cultural space of the urban environment. The practices of appropriating space through acts of expansive pollution are considered. The city is represented as a social organism, a medium of images and a communication space in which subjects, objects and processes function on the principle of parasitic exchange, forming their protective environment, milieu – whose products of life (symbolic and material waste), constitute the environment, mark the boundaries of habitat and ownership rights. Through the metaphor of the parasite - waste is analysed as sign, label, media and liminal substance. The performative productivity of waste and its significance as a tool of mediation are investigated.

Keywords: garbage, alienation, pollution, zone of exclusion, urban parasites, appropriation of urban space, protective environment, ecological relationality, liminality, niche-relationships.

The present article is part of a research project supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 18-011-00552, SPbSU.

Мусор, отходы, «отчуждаемое», упорствуя в своем стихийном накоплении, проталкиваются с периферии в центр: города, внимания, взгляда и тем самым бросают вызов онтологическим границам материальных миров. Эти упрямые и своевольные объекты, «липкие» во всех смыслах: как «привязчивая» материя (*le gluant*) или как навязчивый образ (*le visqueux*) [1; 607], создают собственные динамики времени и пространства – мусор в форме «отчуждаемого» может копиться в подсознании, сохраняться в ресурсах памяти или множиться в подвалах и на чердаках. Мусор может многое рассказать о человеке: его пищевые привычки, увлечения, род занятий¹. Не зря ведь найти мусорную кучу в археологии считается большой

¹ Фотограф Грегг Сегал (Gregg Segal) из Калифорнии пригласил поучаствовать в проекте «7 дней мусора» («7 Days of Garbage») людей из разных социальных слоев. Фотограф предложил всем участникам неделю не выбрасывать мусор, а после приехать к нему на участок с горами хлама. Разложив все, что должно было быть выброшено, на траве, песке и по поверхности воды, он продемонстрировал, сколько отходов накапливается у человека всего за 7 дней. Кто-то из участников старался упаковать самый неприглядный мусор в специальные пакеты, а кто-то наоборот выставлял на всеобщее обозрение. Сегал сравнивает кучи мусора на своих фотографиях с кроватями, которые мы сами для себя создали и на которых с удовольствием возлегаем, стараясь ничего не замечать и не испытывать отвращения [2]. В «Превращении» Грегг Замза постепенно сливается с хламом и мусором. Все началось с того, что он утратил человеческую способность прямостояния – и, опустившись на все свои мелкие ножки, сразу же почувствовал себя комфортно. На ножках – клейкое вещество; благодаря нему Грегг прилипает к поверхностям, по которым ползает. Впоследствии, когда градус энтропии стремительно нарастает и уборка в его комнате становится все менее тщательной, на него самого налетают посторонние предметы: «Из-за пыли, лежавшей повсюду в его комнате и при малейшем движении поднимавшейся, он и сам тоже был весь покрыт пылью; на спине и на боках он таскал с собой нитки, волосы, остатки еды». Волосы и нитки, которые таскает за собой Грегг – это элементы окружающего пространства, от которого он постепенно становится неотличим. Поначалу ту же роль играет простыня, которую он приволок с кровати на диван и которой накрывается, чтобы не травмировать своим видом сестру, приносящую ему еду. С одной стороны, это человеческий жест, а с другой, инстинкт мимикрирующего животного – прятанье, заворачивание в соседние предметы [3].

удачей¹. То, что мы «отторгаем» вызывает у нас беспокойство[2] , отвращение [3], чувство бессилия или может стать потенциальным ресурсом². Это провоцирует вопросы о том, как и что мы выбрасываем, какие практики обращения с мусором используем³ и что в конечном итоге останется после нас[5].

Пребывание в пограничном состоянии является определяющим для мусора. В «Теории мусора» («Rubbish Theory») Майкл Томпсон анализирует зависимость жизненного цикла объектов от социальных концепций ценности. Между временными объектами, которые обесцениваются и долговечными объектами, которые со временем только набирают ценность циркулирует мусор [8]. Роль мусора кажется незначительной в социальной детерминации ценностей, однако, он важен как показатель обесценивания. Объекты уже ставшие мусором могут заново попадать в ракурс признания их ценности, что видно на примере цикличности моды или популярности винтажных вещей.

В жесте подъема или сбора, человек учится видеть мир по-другому: упавшее, опавшее, выброшенное по-новому маркирует зыбкие границы собственности, порядка и смысла. Подбирание (англ. gleaning) – акт сбора оставшихся зерновых культур с полей фермеров после того, как они были в коммерческих целях собраны на полях. Для некоторых древних культур подборание являлось ранней системой благосостояния. Например, древние еврейские общины требовали, чтобы фермеры не пожинали до обочины свои поля, чтобы оставлять часть урожая для неимущих и бездомных.

¹ Гарболо́гия (от англ. garbage «мусор») – является видом археологии, которая анализирует мусорные отходы с целью изучения бытовой жизни людей. Понятие гарбологии как археологических раскопок в мусорных свалках ввёл в 1973 году археолог Уильям Ратжи.

² Фильм польского режиссера Ханны Полак «Человек живет для лучшего» (2014) повествует о жителях самой большой российской свалки. Действие фильма происходит в 2000-х годах – Ханна Полак следила за судьбой своих героев на протяжении 14 лет. Режиссер показывает жизнь девочки Юли и ее мамы, которые живут на одной из самых больших свалок России недалеко от Москвы. В таких непростых условиях выживают и их соседи, среди которых тоже немало детей. Людям приходится самостоятельно сооружать себе кров из подручных материалов, искать среди мусора одежду и еду. Но, несмотря на суровые условия, здесь есть место дружбе, любви и надежде на светлое будущее – на свалке создаются семьи и рождаются дети. Режиссер беседует с жителями мусорного полигона о том, как они оказались в таком положении, о чем жалеют и мечтают, рассчитывают ли они на помощь государства, а также почему у них не получается изменить свою жизнь.

³ Эко активист Роб Гринфилд (Rob Greenfield) решил не выбрасывать мусор, который он сам же и создает, а складировать его в специальные прикрепленные к одежде мешки и обязался носить с собой весь свой мусор на протяжении 30 дней [4].

Современные практики «подбирания» детально отражены в документальных фильмах Аньес Варда «Собиратели и собирательница» (2000) и «Собиратели и собирательница... два года спустя» (2002).

В английском словом «waste» (отходы, мусор) связана определенная история трансформаций форм собственности. В английском языке есть понятие «wasteland» – пустошь, покинутый край, бесхозная земля. Как показала Джесси Гольдштейн в своем исследовании истории английского сельского хозяйства, понятие «waste» непосредственно связано с так называемыми «common wastes» – общими землями, которые были распространенной формой аграрного пользования вплоть до XIX века. Эти пустыри, бесхозные леса и полосы дорог могли быть использованы любым жителем села или общины и для многих они были важными средствами к существованию, до тех пор, пока эти участки не были окончательно отгорожены заборами согласно идее максимально эффективного сельскохозяйственного использования, что привело к смене перспективы: «common wastes», в значении полезной и используемой общественной собственности были переведены в «wasted commons» – «бесполезные, бесхозные общинные земли», или «растраченные ресурсы» [9].

Между тем, в современных мегаполисах все большую популярность набирает использование общих земель, пустырей и придорожные пространства для так называемого «городского садоводства» (Urban Gardening), вопреки или благодаря неопределенному статусу прав собственности на таких участках. Например, в Хельсинки негосударственная некоммерческая организация Dodo регулярно организует бесплатные курсы, на которых всех желающих учат тому, какие растения подходят для города, как занять солнечный пустырь огородом, как получить разрешение на садоводство от домоуправления, как организовать соседский подряд и начать высаживать редиску во дворе. Лекции касаются как легальной стороны вопроса, так и практической. На них можно встретить и молодого панка, который решил посадить цветы в самодельных клумбах вдоль серых железнодорожных путей, и женщину средних лет, живущую в центре в многоэтажке и желающую тратить свободное время на выращивание помидоров под окнами, и студенток, решивших сэкономить на покупке зелёного салата [10].

Категоризация понятий на «нужное-ненужное», «свое-чужое», «чистое-грязное» лежит в основе универсальных культурных кодов необходимых для поддержания социальной системы. В работе «Чистота и опасность» британский антрополог Мэри Дуглас подчеркивает, что нечистым в любой культуре считается то, что не на своем месте или для чего место не определено. Грязь лежит в основе структуры и иерархии: «Где есть грязь, там есть система» [11].

Согласно Джону Скалану, акт разграничения – не просто классифицирует и разделяет на двоичные категории, но вносит изначальное фундаментальное различие между фигурой и фоном, между единичностью и множественностью: «Мы отделяем или понимаем нечто как ценное (или развиваем идеи отношения между Я и миром) только в результате галолирующего отступления от *недифференцированной* массы вещей (которую также можно назвать природой), которая в противном случае поглощает нас. Мусор – это бесформенность, из которой появляется форма, призрак, который преследует реальное» [12;13-14].

Мусор является одновременно причиной и следствием очистительных действий. В социальном масштабе мусорные структуры связывают социальные отношения и иерархии, но также показывают неудачность попыток абсолютного разделения и демаркации. Принять мусор как пассивный результат практики дифференциации человека не достаточно, поскольку он сохраняет активный, трансгрессивный потенциал и порождает неисчислимые последствия, которые бросают вызов новым механизмам регулирования.

Логика обмена, действующую между объектом и субъектом, между акторами гетерогенных сетей – в языке, экономике, политике, экологии – дополняет медиальная фигура паразита. Функционирование любой системы сопряжено с существованием паразита, третьего участника, который нарушает связи и вместе с тем создает новые, меняет конфигурацию самой системы и создает новый порядок

В книге «Паразит» Мишель Серр исследуют все аспекты полисемии этого слова: надоедливый гость, злоупотребляющий гостеприимством; организм, живущий за счет другого организма; шум в канале коммуникации [13].

Этимология слова паразит происходит от греческого «парасит» *παράσιτος* и буквально означает «находящийся возле хлеба» (*σίτος*), нахлебник [14]. В Древней Греции парасит – помощник при исполнении религиозных культов¹,

¹ Звание парасита в древности было священо и почитаемо. Например, Полемон пишет о параситах следующее: «Имя парасит в наше время презренно, однако мы находим, что для древних оно заключало в себе некий священный смысл и было близко к понятию сотрапезник. Так, в Геракловом храме на Кинсарге на одной из стел начертано постановление народного собрания, внесенное Алквиадом при секретарстве Стефана, сына Фукидида; там говорится: 'Жрец должен приносить жертвы ежемесячно в присутствии параситов. Параситы же по обычаю предков должны набираться из незаконнорожденных и их детей. Кто откажется быть параситом, тот должен предстать перед судом'» [15; 297].

имевший право участвовать в общих застольях. В Риме во времена Империи паразит был непременным гостем за столом богатого римлянина, развлекавая хозяев лестью и остроумиями.

Паразитизм служит универсальной моделью экономических отношений. За тем, в чем нам видится обмен – труда на деньги, денег на слова и песни – скрывается паразитическая цепочка. В основе человеческих отношений, по мнению Серра, лежат паразитическая антропология, неэквивалентный обмен. Если бы дело обстояло иначе, обратимость любых процессов создала бы вечный рай на земле. Паразит же олицетворяет необратимость человеческих отношений, зарождение общественных связей [16].

Паразит прерывает повторение, множит идентичности. При этом сама система не нарушается, но погружается в новый поток, приращивая новый опыт. Система, включившая в себя паразита, другого, локальное становится более иммунной и комплексной [17]. Паразит являет собой фигуру перехода, квазиобъект (*quasi-object*), он очерчивает границы, производит дифференциацию без привязки к устойчивой идентичности. Особенность паразита состоит в его неразличимости, в невозможности четко определить его намерения и позицию. Серр обращает внимание на эту двойственность, анализируя французское слово «*le hôte*», которое во французском может означать и «хозяин», и «гость».

Паразитарные концепции внедряются и работают в различных частях социальной системы, зачастую блокируя любые попытки верификации механизма воздействия. Сегодня феномен распространения паразитарных стратегий повсеместно прослеживается в актуальных практиках искусства, дизайна, рекламы, архитектуры и моды.

В дизайне с концептом паразитарных вмешательств работают такие экспериментаторы как Marti Guixé, Adam, Jörg, Dominik Harborth & Andrea Vilter [18]. Немецкая группа «*Mouse on Mars*» создает свою собственную электронную трехмерную среду обитания, спрятанную где-то среди коммуникаций марсианского мегаполиса. Их музыка рождается как эксперимент смещений, нарушений и случайных наложений звуков, близким к паразитарным подходам.

В начале 90-х модель паразита становится популярной в архитектуре, прежде всего как символ мобильной, недолговечной эфемерной архитектуры или архитектуры, которая использует инфраструктуру уже существующих зданий. Так, например, в 1991 работники голландского архитектурного бюро Kortenknijp & Stuhlmacher основали фонд *Parasite* и провозгласили концепцию паразитарного строительства. Художник Michael Rakowitz в

проекте ParaSITE¹ с помощью паразитических интервенций в общественное пространство подвергает критике исключение социальных маргинальных групп из городской жизни.

Особую популярность *субверсивные* стратегии приобретают с распространением цифровой медиакультуры. Киберпротесты, хактивизм и социальная инженерия на пике моды. Одна из первых акций хактивизма была инициирована группой Anonymous и операцией Payback, направленной на организации, пытающиеся прикрыть Интернет-пиратство, а в дальнейшем, направленное на поддержку Джулиана Ассанжа, главного редактора WikiLeaks. «Логика паразита» присуща также всем социальным медиа (Twitter, Facebook) и заключается в способности прерывать, дополнять и провоцировать различные виды поведения: медиа постоянно побуждают отрываться от рутинных действий, вовлекая в среду постоянных обновлений информационного поля. Помехи, шумы, сбои в восприятии порождают новое пространство медиальности. Медиа являются паразитами в значении шума системы.

Паразитические стратегии медиа основаны на этом парадоксе: условие передачи информации, медиум, является в то же самое время причиной шума, сбоев в передаче сообщения. «Абсолютный порядок и механическое повторение – соседи смерти. Шум питает новый порядок. Организация, жизнь, мышление возникают в промежуточных зонах между порядком, хаосом и совершенной гармонией» [13;29]. Паразит является частью системы, не разрушающей, но усложняющей ее: послание возникает из шума, порядок – из помех, это частный случай универсального закона беспорядка.

На примере функционирования «паразита» Мишель Серр раскрывает механизмы алеаторного присвоения через экскрементальное загрязнение [21;3]. Серр указывает на то, что загрязнение чего-либо одним индивидом (например плевок в тарелку с супом) приводит к отказу от загрязненного другими людьми. Экскрементальное загрязнение лежит в основе служит отправной точкой для легитимации актов различного рода загрязнений в качестве активного ресурса политического и экономического воздействия [22]. Если в рамках «природного контракта» (Le contrat nature!) загрязнением

¹Проект ParaSITE нацелен на создание надувных убежищ, разработанных для бездомных, которые присоединяются к внешним системам вентиляции и обогрева здания. Теплый воздух, покидая здание одновременно раздувает и нагревает двойную мембранную структуру надувного «дома-паразита». Такими надувными убежищами пользуются бездомные в Бостоне и Кембридже, Массачусетсе и Нью-Йорке [19].

присваивались пахотные земли с экскрементами, то в архаических, языческих и политеистических обществах право на «священную землю» помечали кровью и золой предков. В христианском обществе кровь была заменена водой и вином: таким образом, загрязнение больше уже не порождало отношений собственности, но только временные отношения сдачи в аренду, так что бывший владелец становился пилигримом-скитальцем [21;14]. В современной экономике существует глобальная экспроприация прав потребителя, поскольку все товары и объекты маркированы логотипами и брендами, право на собственность которых принадлежат корпорациям. Вот почему для Серра потребитель является только арендатором вещей. Что касается вопроса ценности, можно сказать, что органические, материальные, личные отходы действительно имели ценность для людей, так как позволяло прояснить генезис объекта и обозначить право собственности. Очевидно, что эта субъективная ценность утрачена в современных неорганических, нематериальных коммуникационных отходах. Происходит дифференциация загрязнения путем разделения на *hard* (материальные отходы) и более празитарное – *soft* («мягкое» загрязнение лингвистического, символического и коммуникационного мусора) [21;66].

Экскрементальная теория отсылает не столько к системной, сколько к медиаэкологической концепции отходов. Отходы как медиа образуют «сетчатое пространство [...], где каждый, в какое-то время и степени, является хозяином своей ниши. Таким образом, выстраивается каскадообразная паразитарность, которая состоит из иерархических цепочек паразитарных отношений *the parasite parasitises the parasit* [13;141] Язык, информация и культура, нужны, чтобы формировать свою среду обитания, *milieu*. Паразитизм предполагает, что хозяин и есть такая среда, а его продукты конституируют окружающий мир – нишу, необходимую для выживания того, кто в нее помещен. Ниша определяется в терминах *множественных отношений* между определенным видом или индивидом и соответствующими факторами окружающей среды.

С развитием медиатехнологией формы взаимодействий становятся все более множественными. Визуальный медиамир делает ставку на внешнюю привлекательность образов, при этом само их количество, подвижность и яркость порождают беспокойство.

Массовый потребитель, созданный в ходе глобальной модернизации, обитает в урбанизированном «мусорном пространстве» (Р. Колхас) [22]. Городская среда формирует свой образ и собирает идентичности из множества гибридных резервуаров: модернистские «чистые формы» (направленные в будущее), немодернистские (миметические в своей основе, опирающиеся на нарративы прошлого) и различные формы синтеза медиа,

образов и архитектуры (urban screens, мурал, стрит-арт). Виральность среды является прямым эффектом непредвиденного, перемежающегося паразитарного роста. Паразиты выступают своего рода границей со средой, формируя новые нишевые отношения и позволяя осуществлять различие между материальным и символическим, внутренним и внешним, чужим и своим. Нарушение иммунитета, вследствие чрезмерной дезинфекции или беспорядочного вторжения вирусов, приводят либо к абсолютной стерильности пространства, либо к состоянию полной проницаемости и размыванию границ системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000.
2. 7 дней мусора: шокирующий цикл работ от американского фотографа. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/140714/20818/> (дата обращения 08.10.18).
3. Horn E. Zukunft als Katastrophe. Frankfurt a.M.: S. Fischer, 2014.
4. Kristeva J. Powers of Horror: An Essay on Abjection. New York: Columbia University Press, 1982.
5. Тимофеева О. Животные, которых не звали // НЛЮ № 132 (2/2015).
6. Greenfield R. Trash me: not your typical zero waste project. URL: <http://robgreenfield.tv/trashme/> (дата обращения 08.10.18).
7. Posner R. (Ed.) Warnungen an die Ferne Zukunft, München, Raben Verlag 1990.
8. Thompson M. Rubbish Theory: The Creation and Destruction of Value, Oxford: University Press, 1979.
9. Goldstein J. Terra Economica: Waste and the Production of Enclosed Nature // in: Antipode 45.2 (2013), с. 357-375.
10. Гамбург Б. Уличные инициативы в Хельсинки. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/abroad/213517-ulichnye-initsiativy-v-helsinki> (дата обращения 05.10.2018)
11. Дуглас М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле. М., 2000.
12. Scanlan J. On Garbage. London: Reaktion Books, 2005.
13. Seres M. The Parasite, transl by Lawrence R. Schehr, Minneapolis: University of Minnesota Press, 2007 [1980].
14. Фасмер М. Этимологический словарь. 1-е изд., Т. 1-4. М., 1964-1973.
15. Афиней. Пир мудрецов. В 15-ти кн. Кн. I-VIII. М.: Наука, 2003.
16. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000.
17. Бритов А.В. Паразитизм в природе и его роль в охране гомеостаза хозяина. // Успехи современной биологии, том 104, вып. 1(4), 1987.
18. Jörg A., Harborth D., Vilter A., Doorstops, Dropcatchers and Other Symbiotic Gadgets, Avedition, 2003.
19. Rakowitz. M. Project Parasite. URL: <http://michaelrakowitz.com/projects/parasite/> (дата обращения 08.10.18)
20. Seres M.: Malfaissance. Appropriation Through Pollution? Stanford, CA: Stanford University Press 2011.
21. Desai R., McFarlane C., Graham S. The Politics of Open Defecation // in Antipode 47.1 (2014), с. 98-120.
22. Большие эстетики More aesthetics. URL: <http://projectbaltia.com/archive-ru/7695/> (дата обращения 08.10.18)

TRANSLIT

1. Sartre J.P. Bytiye i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii. M.: Respublika, 2000.
2. 7 dney musora: shokiryuyushchiy tsikl robot ot amerikanskogo fotografa. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/140714/20818/> (дата обращения 08.10.18)
3. Horn E. Zukunft als Katastrophe. Frankfurt a.M.: S. Fischer, 2014.
4. Kristeva J. Powers of Horror: An Essay on Abjection. New York: Columbia University Press, 1982.

5. Timofeyeva O. Zhivotnyye, kotorykh ne zvali // NLO № 132 (2/2015).
6. Greenfield R. Trash me: not your typical zero waste project. URL: <http://robgreenfield.tv/trashme/> (data obrashcheniya 08.10.18)
7. Posner R. (Red.) *Warnungen a die Ferne Zukunft*, München, Raben Verlag 1990.
8. Thompson M. *Rubbish Theory: The Creation and Destruction of Value*, Oxford: University Press, 1979.
9. Goldstein J. *Terra Economica: Waste and the Production of Enclosed Nature* // in: *Antipode* 45.2(2013), c. 357-375.
10. Gamburg B. Ulichnyye sreda v Khel'sinki. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/abroad/213517-ulichnye-initsiativy-v-helsinki>. (data obrashcheniya 05.10.2018)
11. Duglas M. Chistota i opasnost': Analiz predstavleniy ob oskvernenii i tabu / Per. s angl. R. Gromovoy pod redaktsiyey S. Ban'kovskiy. M.: KANON-press-TS, Kuchkovo pole. M., 2000.
12. Scanlan J. *On Garbage*. London: Reaktion Books, 2005.
13. Seres M. *The Parasite*, transl. by Lawrence R. Schehr, Minneapolis: University of Minnesota Press, 2007 [1980].
14. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar'*. 1-ye izd., T. 1-4. M., 1964-1973.
15. Afinya. *Pir mudretsov*. V 15-ti kn. Kn. I-VIII. M.: Nauka, 2003.
16. Man'kovskaya N. B. *Estetika postmodernizma*. SPb.: Aleteyya, 2000.
17. Britov A.V. Parazitizm v prirode i yego rol' v okhrane gomeostaza khozyaina. // *Uspekhi sovremennoy biologii*, tom 104, vyp. 1 (4), 1987.
18. Yorg A., Kharbort D., Vilter A., Dvemye zamki, Drophchiye i drugie simbioticheskiye gadzhety, *Avedition*, 2003.
19. Rakowitz M. *Project Parasite*. URL: <http://michaelrakowitz.com/projects/parasite/> (data obrashcheniya 08.10.18)
20. Serres, Michel: *Malfeasance. Appropriation Through Pollution?*, Stanford, CA: Stanford University Press 2011.
21. Desai R., McFarlane C., Graham S. *The Politics of Open Defecation* // in *Antipode* 47.1 (2014), c. 98-120.
22. Bol'she estetiki Bol'she estetiki. URL: <http://projectbaltia.com/archive-ru/7695/> (data obrashcheniya 08.10.18)